

На правах рукописи

Макарычева Марина Геннадьевна

**РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ США
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКСПЕРТНО-
АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ)**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы международных
отношений и глобального развития

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук**

Нижний Новгород
2007

Работа выполнена на кафедре международных отношений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Колобов Олег Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук,
профессор Шаклеина Татьяна Алексеевна

доктор политических наук, доцент
Балуев Дмитрий Геннадьевич

доктор исторических наук,
профессор Кубышкин Александр Иванович

Ведущая организация: Институт научной информации по общественным наукам РАН

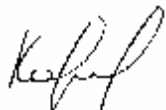
Защита состоится 22 мая 2007 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.10 при Нижегородском государственном университете по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, факультет международных отношений ННГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 корп. 1

Автореферат диссертации разослан "15" апреля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Корнилов А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы диссертации состоит в том, что никогда за последние десятилетия международное поведение США не было предметом столь острых дебатов в мировом сообществе, как после распада СССР. Оставшись в начале 1990-х гг. единственной сверхдержавой, Соединённые Штаты предприняли немало дипломатических шагов, которые были восприняты в мире с большим скепсисом, непониманием и раздражением. Проблема качества внешнеполитической деятельности США усугубилась после противоречивой реакции официального Вашингтона на события 11 сентября 2001 г., которая дала повод наиболее авторитетным специалистам по международным отношениям говорить как о неадекватности американской позиции в отношении отдельных стран (включая Ирак, Иран, Афганистан), так и о более принципиальных проблемах концептуального свойства. К их числу можно отнести усилившееся стремление США к «эксклюзивной» активности в отношении мировых проблем, отказ от следования нормам международного права при решении вопросов безопасности, приверженность «чрезвычайным мерам» в области борьбы с терроризмом. На этом фоне вполне понятно, что предметами принципиальной критики со стороны экспертов-международников являются как отдельные проявления внешней политики США (от войны в Косово и режима функционирования базы в Гуантанамо до стремления разделить Европу на «новую» и «старую»), так и более общие вопросы, связанные с переосмыслением одного из часто встречающихся тезисов американской политической науки о наличии, якобы, неизбежной связи между либерализмом во внутренней политике и миролюбием в политике внешней.

Исходя из этого, важно понять, как сами Соединённые Штаты понимали свою миссию, как они конструировали образ своей страны в мире, в том числе в отношении России. Проблемное «поле», вбирающее в себя всю совокупность факторов, определивших динамику американской политики в отношении РФ на различных уровнях (государственном и негосударственном) и в различных сферах (в политике,

экономике, военных обменах, образовании и гуманитарной деятельности), важно в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, отношения между США и Россией являются одним из важнейших определителей нынешней системы мировой политики в целом. От двухсторонних американо-российских отношений во многом зависит тот глобальный политический климат, который воздействует на поведение других государств. Звено Россия - Америка является одним из важных элементов, влияющих на развитие международной системы либо в сторону их стабилизации, либо усиления конфронтационности.

Во-вторых, в течение последнего десятилетия направления и темпы внутренних преобразований России во многом зависели от состояния внутриамериканских дискуссий. «Американский фактор» в этом смысле не только дипломатическая, но и внутривнутриполитическая категория.

В-третьих, избранная для исследования тема актуальна и с точки зрения практической политики, и в прогностическом плане, поскольку позволяет понять тенденции в развитии российско-американских отношений и увидеть их перспективу через призму различных дискурсивных практик. Для более полного понимания всех обстоятельств, влияющих на формирование позиции США в отношении РФ, необходим не только анализ правительственных документов, но и обращение к тем интенсивным дискуссиям, которые велись среди политических и общественных деятелей США, конгрессменов, экспертов и в средствах массовой информации. Изучение различных точек зрения, существующих в политико-академическом сообществе США, открывает широкий диапазон оценок американо-российских отношений.

Хронологические рамки исследования. В диссертации предпринята попытка дискурсивного анализа политики США в отношении России с начала 1990-х годов до начала текущего десятилетия. Нижний хронологический рубеж связан с возрождением России в качестве самостоятельного государства, что означало новое качество его

взаимоотношений с ведущими державами Запада. Верхний предел объясняется установлением в России политического режима В.Путина с присущими ему характеристиками (укрепление «вертикали власти», появление концепции «суверенной демократии» и т.д.).

На протяжении этих лет американский дискурс в отношении России претерпел существенную эволюцию, которая и будет проанализирована в настоящей работе. Этот хронологический период можно рассматривать как ряд циклов в развитии американо-российских отношений, каждый из которых имел свои специфические черты с точки зрения определявших эти циклы типов дискурсивных практик.

Объектом исследования стали политические проблемы американо-российских отношений, исследуемые с точки зрения их экспертно-аналитического измерения. Это ставит в центр изучения наиболее существенные подходы политиков и экспертов США к развитию американо-российских отношений, существовавших в обозначенный период времени в различных правительственных и неправительственных организациях. Экспертно-аналитическое обеспечение политического курса США имело поливариантное выражение, будучи представленным в виде программ, акций, мероприятий, осуществляемых американскими официальными инстанциями, а также в форме высказанных мнений, оценок, суждений, рекомендаций экспертов неправительственных организаций.

Предметом исследования являются *дискурсивные стратегии*, определяющие рамки и содержание американо-российских отношений. Под экспертно-аналитическим обеспечением российского направления внешней политики США мы будем понимать совокупность дискурсивных стратегий, лежащих в основе формулирования дипломатической, экономической и военно-стратегической линий поведения США в отношении России.

Задачи исследования можно сформулировать следующим образом:

- определить «методологическую рамку», то есть набор совместимых друг с другом концептуальных подходов, на основе которых можно строить исследование дискурсивного «измерения» внешней политики США в отношении России;
- дать аналитическое описание «российского дискурса» в США, выделив этапы его формирования («дискурсивные волны»);
- охарактеризовать начальный этап формирования «российского дискурса» в категориях «либеральной стратегии»;
- описать условия смены дискурсивной стратегии и появления консервативной альтернативы либеральным подходам;
- проанализировать логику дискурсивных конфликтов и проиллюстрировать их ход на ряде примеров;
- указать на сферы, в которых прослеживается «выход» «российского дискурса» за пределы американской аудитории и, соответственно, имеет место расширение дискурсивного поля.

Степень разработанности темы

Российская политическая наука в интересующей нас сфере достаточно обширна и представлена многочисленными исследованиями, которые могут быть поделены на ряд категорий.

А) *монографии российских исследователей*, опубликованные с грифом академических институтов или университетов. Особенную актуальность тема российско-американских отношений приобрела сразу после распада СССР, когда закладывались основы будущих взаимоотношений двух государств. Кроме того, в связи с окончанием «холодной войны» и расширением НАТО ученым следовало пересмотреть внешнеполитические приоритеты своих государств и попытаться спрогнозировать будущее всей международной системы, определив, какие роли будут играть в ней крупнейшие мировые державы. Существенный вклад в изучение этой

проблематики внесли работы А.В.Кортунова, С.В.Кортунова, В.А.Кременюка, М.М.Лебедевой, А.Ю.Мельвиля, С.М.Рогова, А.В.Торкунова, А.И.Уткина, В.Л.Фролова, П.А.Цыганкова. Эти исследования определили общие параметры взаимодействия Америки и России в период трансформации системы международных отношений. Авторы проанализировали возможные последствия, как политики конфронтации, так и стратегии партнерства с США, определив шкалу российских национальных интересов.

Особого внимания заслуживают труды отечественных ученых по проблемам внешней политики США в целом и ее российских аспектов в частности. Среди них работы Г.А.Арбатова, В.И.Батюка, А.Д.Богатурова, С.А.Караганова, А.А.Кокошина, Т.А.Шаклеиной. Эти авторы внесли большой вклад в изучение различных плоскостей американской внешней политики, заложив прочный теоретический и методологический фундамент исследований по новейшей истории США. В работах этих ученых можно найти весьма сбалансированные оценки состояния всей международной системы, а также региональных направлений внешней политики США.

Из *региональных центров изучения американистики* следует отметить Санкт-Петербург (в частности, исследования В.Н.Коньшева оказали существенное влияние на прояснение позиции автора настоящего диссертационного исследования в отношении взаимной связи консервативной стратегии «российского дискурса» и школы внешнеполитического реализма), Нижегородская школа американистики (О.А.Колобов, А.А.Сергунин, М.И.Рыхтик, Д.Г.Балуев, О.В.Сафронова, О.О.Хохлышева) сформировалась на базе интереса к процессу принятия внешнеполитических решений и отличается повышенным вниманием к изучению вопросов безопасности и региональной политики США. Волгоградские американисты (А.И.Кубышкин, И.И.Курилла) известны своим углубленным изучением исторических аспектов американской внешней политики в различных ее проявлениях. Из других региональных центров «американских исследований» можно отметить Томск, Ярославль и др.

Б) *результаты проектов и конференций*, в рамках которых американский опыт в той или иной сфере сравнивался с опытом других стран. Ряд интересных книг вышел под эгидой Дипломатической академии, ассоциации участников программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество», а также некоторых МИОНов. Важным элементом исследовательской литературы стали регулярные выпуски сборника научных работ «Актуальные проблемы американистики» (ННГУ), на страницах которых нашли своё отражение результаты исследований в области американистики представителей разных дисциплин.

В) *совместные публикации российских и американских учёных*. Эти издания немногочисленны, но их ценность состоит в том, что каждое из них представляет собой «площадку» для обмена мнениями между специалистами из разных стран, что принципиально важно с точки зрения создания пространства общего обсуждения проблем двухсторонних отношений.

Г) *научные журналы*. Среди них необходимо выделить:

- «США: Экономика. Политика. Культура», который является единственным специализированным периодическим изданием в сфере американистики. В нём можно найти весь спектр мнений профессиональных американистов относительно различных направлений внешней политики США, в том числе и в отношении России, а также интересную подборку наиболее типичных, с точки зрения издателей, мнений американских авторов о внешней политике России.
- «*Pro et Contra*» является единственным журналом на русском языке, издаваемом американским фондом Карнеги. На его страницах печатались статьи как американских авторов, так и их российских коллег, что давало отличную возможность для сопоставления различных точек зрения. «*Pro et Contra*» можно назвать одним из элементов общего интеллектуального пространства, которое формируется в зоне

пересечения американского и российского дискурсов. Примером может служить тематический выпуск этого журнала «Россия – США – мир» (весна 2000 г.).

- «*Космополис*» в основном публикует материалы, имеющие не столько страноведческий, сколько концептуальный характер. Ряд публикаций этого издания оказались полезными в контексте исследуемых нами проблем, связанных с категориями дискурса, гегемонии и др.

- «*Полис*», который в начале – середине 1990-х годов уделял много места работам американских политологов, представляющих различные точки зрения на феномен демократии. Эти статьи отличались сильными теоретическими акцентами и стали составной частью дискуссий внутри политологического сообщества России.

- «*Россия в глобальной политике*» отличается представлением точек зрения на международные отношения, близкие к «политическому официозу» (его учредителями являются Совет по внешней и оборонной политике, Российский союз промышленников и предпринимателей и редакция газеты «Известия»). На его страницах освещались позиции ряда фигур, принадлежащих к внешнеполитической элите США (Кондолиза Райс, Джозеф Най, Лесли Гелб) и лояльной Кремлю части экспертного сообщества России (С. Караганов, В.Никонов, М.Маргелов, В.Иноземцев, Е. Примаков).

- «*Международные процессы*», издаваемый Научно-образовательным форумом по международным отношениям, публикует материалы по концептуальным вопросам, связанные с несколькими тенденциями мирового развития. Ряд материалов, опубликованных в этом журнале, были использованы нами при написании данной диссертации.

- «*Общественные науки и современность*» в начале 1990-х годов неоднократно обращался к работам американских «советологов», особенно левого толка. Эти материалы необходимо рассматривать как важный компонент пост-перестроечной дискуссии о выборе оптимальной модели внутренней и внешней политики России.

Зарубежная политическая наука

Американскую литературу по исследуемой проблематике можно разделить на несколько блоков. Один из них представлен работами, связанными с категорией безопасности и изданными под эгидой учреждений, имеющих прямое отношение к военно-стратегическому анализу и планированию. Другой блок литературы включает в себя обобщающие работы широкого профиля, вбирающие в себя анализ различных сторон российского общества в пост-перестроечные годы. Эти работы интересны тем, что их авторы были первыми, кто попытался понять суть российско-американских отношений в их новом формате. Ещё одна категория представлена работами, опубликованными под эгидой ведущих «*мозговых центров*» США и других стран Запада. Эти исследования предназначены для профессиональной аудитории, включая лиц, принимающих решения. Значительная часть материалов этой категории представлена в виде комментариев. Некоторые из работ научно-аналитических центров США были переведены на русский язык, что означает желание их авторов довести свои мнения до российских читателей.

Из американских и международных научных *журналов*, на страницах которых нашлось наибольшее место для анализа «российского транзита», следует упомянуть такие периодические издания, как:

- “*Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*” – один из рупоров либеральной внешнеполитической линии США в отношении стран СНГ;
- «*Трансформация*» - журнал, издаваемый совместно Всемирным Банком и Институтом У.Дэвидсона на русском языке и, соответственно, тематически адаптированный для российской аудитории. Журнал регулярно публиковал статьи американских финансистов, экономистов и практиков в сфере корпоративного управления по вопросам, касающимся инвестиционного климата в России, передачи опыта реформирования в других пост-социалистических странах, и пр.

- *“Post-Soviet Affairs”*, который издаётся Объединённым комитетом по советским исследованиям и Американским советом образовательных сообществ. Журнал публикует материалы о России и других странах бывшего СССР, написанные политологами, социологами, географами и представителями других дисциплин;
- электронный бюллетень *“Washington ProFile”*, который издаётся при поддержке Информационного агентства США и содержит как фактические сведения, так и аналитику, включая интервью с ведущими американскими специалистами по России.
- *«Конституционное право: восточноевропейское обозрение»*. Это издание на протяжении многих лет публиковало статьи, разъясняющие позиции американских юристов по поводу правовых вопросов переходного периода в бывших социалистических странах. Ценность материалов такого рода состоит в том, что российская проблематика включалась в более широкий спектр вопросов, исследуемых по принципу сравнительного анализа и мониторинга;
- Журналы, специализирующиеся на освещении широких «пластов» международных отношений: *The National Interest* (статьи С.Сестановича, Ч.Фликнера и др.), *Foreign Affairs* (статьи З.Бжезинского, Б.Ламбета, М.Мандельбаума, Д.Саймса, М.Макфоула и др.), *The Washington Quarterly* (статьи П.Добрянски, Дж.Голдгайера, В.Шляпентоха и др.), *International Security* (статьи С.Мендельсон и др.), *SAIS Review* (статьи И.Прицела, Ч.Гати и др.), *World Policy Journal*, *Foreign Policy*, *The New Republic*, *The World Today* и др.
- Журналы, отражающие точки зрения американских и российских специалистов – международников. Например, электронный журнал *«Intellectual Capital»*, издававшийся до 1999 г., предоставлял трибуну многим авторитетным экспертам-международникам.

Методологическая и теоретическая основа исследования

Настоящая работа в методологическом смысле опирается на ряд критических социальных теорий, которые в мировоззренческом плане относятся к «новым левым» и уходят своими корнями в марксизм и неомарксизм (прежде всего, теория власти А.Грамши). Именно на левом фланге наблюдается наибольшая активность среди европейских интеллектуалов, которым принадлежит несомненное первенство в постановке таких вопросов, как феномен гегемонии в политических отношениях, неизбежность сопротивления доминирующей власти, и т.д. (С.Жижек, Э.Лаклау). Важно отметить, что большинство из этих теорий формировались на основе принципиальной полемики с доктриной либерализма, которой в теоретическом плане вменялось в вину легкомысленное отношение к значимости границ в социально-политических отношениях, а в практическом - тяготение к применению жёстких принудительных «техник управления». Именно в кругах европейских представителей «критических теорий» наиболее аргументировано прозвучал теоретически важный тезис о том, что экспансионизм Соединённых Штатов и их претензии на роль «стержня» в системе международных отношений встретят неизбежное сопротивление.

Что касается более конкретных методик исследования, то при написании диссертации особую значимость получил дискурс-анализ, поскольку этот метод помог оптимальным образом сформулировать исследовательскую задачу, описать проблемное поле и исходные гипотезы, выбрать адекватные источники информации, составить план исследования и его структуру, определить сферу применения основных терминов, уточнить концептуальные основы исследования и сделать из него практические выводы.

Концептуальный «словарь» исследования. Любая классификация, разбивающая на классы некую социальную общность (в данном случае – политико-академический комплекс США), носит авторский характер. Это в полной мере

относится и к предмету нашего анализа, который основан на выделении либерального и консервативного «полюсов» американского дискурса в отношении России. Мы строим наши рассуждения на анализе двух контрастных стратегий, поскольку они, во-первых, как и любые оппозиции, очерчивают собой целый спектр концептуальных позиций, существующих во внешнеполитическом дискурсе США. Во-вторых, сравнение даёт возможность наиболее наглядно сопоставить друг с другом две оппонирующие друг другу позиции, конституирующие «российский дискурс» в США.

Категории либерального и консервативного имеют явно выраженную политическую коннотацию и должны восприниматься как *политические позиции*. Эта оппозиция, будучи перенесённой на язык *теоретических подходов*, существующих в сфере исследований международных отношений, приобретает уже несколько иной вид: речь в таком случае может идти о паре «идеализм - реализм», первый компонент которой имеет логическую связь с либеральной политической традицией (что иногда находит выражение в словосочетании «либерально-идеалистическая парадигма»), а вторая – с традицией политического консерватизма. Наконец, если перейти на язык *поведенческих* (и одновременно – *мировоззренческих*) *характеристик*, то наша изначальная пара трансформируется в ещё одну бинарную оппозицию – оптимисты против пессимистов. Таким образом, мы получаем два семантических ряда, которые будут служить для нас концептуальными ориентирами при дальнейшем исследовании: а) консерватизм → реализм → пессимизм, и б) либерализм → идеализм → оптимизм.

Наконец, для объяснения нашего подхода важно сослаться на методологическое положение о том, что любой дискурс конституируется как попытка доминирования. Эта особенность и предполагает неизбежное выделение «привилегированных дискурсивных точек», то есть ключевых терминов и концептов, которые оказывают структурирующее воздействие на дискурсивное поле. Два дискурсивных центра – либеральный и консервативный – отличаются друг от друга этими «привилегированными дискурсивными точками»: если в первом случае ключевыми

концептами являются «демократические ценности» и «проекция норм», то во втором – «безопасность» и «порядок».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Автором предложено новое для российской политической науки понимание *концепции дискурса* и возможностей её применения для изучения динамики и логики развития американской политики в отношении России. Эта новизна связана с выявленной автором *двойной функцией дискурса*, который, с одной стороны, определенным образом формирует образ объекта внимания (России), а с другой стороны – на основании смысловых характеристик, приписываемых этому объекту, конструирует политическую идентичность субъекта (США), включая определение его роли в мире, миссии и стратегии развития.
2. Автором выявлена важнейшая структурная закономерность, выражающаяся в существовании двух типов социальной аудитории, выступающих в качестве адресатов «российского дискурса». Во-первых, это политические круги в самих США, определяющие формат и содержание решений, принимаемых в отношении России; во-вторых, сегменты внутри российского общества, открытые к восприятию внешних аргументов и готовые к их операционализации.
3. Автором зафиксированы определяющие тенденции выхода «российского дискурса» США за пределы сугубо внутриамериканской аудитории, которые представлены двумя вариантами. Оба направлены на расширение дискурсивного поля и включение в него новых участников с новыми функциями, ролями и возможностями. Первый путь связан с использованием дискурсивных возможностей для оказания воздействия на те или иные сегменты внутри российского общества. Второй вариант касается создания общих «дискурсивных площадок», предполагающих выработку совместного понимания природы вопросов двустороннего интереса и принципов их решения.

4. Автором доказывается, что единство «российского дискурса» в США как объекта исследования, представляющего широкий спектр социально-политической рефлексии, предполагает одновременное признание в его рамках зон напряжения, которые фиксируются автором на примере ряда дискурсивных конфликтов. Таким образом, автором утверждается, что внутренняя структура дискурса «российских исследований» в США представляет собой сложную комбинацию различных дискурсивных стратегий.
5. Автор утверждает, что на протяжении изучаемого периода американская позиция в отношении России выработывалась в острой борьбе между консервативным и либеральным направлениями во внешнеполитическом сообществе США. Данная ситуация определена автором как *дискурсивный конфликт* между двумя различными стратегиями, сосуществующими в рамках единого «российского дискурса» в США. Автором предложено понимание того, как консервативная дискурсивная стратегия подавлялась, маргинализировалась и, в конечном итоге, была интегрирована в качестве сопротивляющегося, но необходимого компонента в общий «российский дискурс» американской внешнеполитической элиты. Таким образом, автор обозначила перспективы исследования того, как «подчинённая» дискурсивная стратегия может оказать сопротивление и затем выйти на первые позиции. Это может произойти в том случае, если она окажется способной опровергнуть аксиоматичность и непротиворечивость доминирующего типа дискурса и предложить ему какую-то привлекательную альтернативу.
6. Автором выявлены и описаны тенденции имманентной нестабильности дискурсивных стратегий, их незавершенности, изменчивости. Они оставляют множество возможностей для взаимных пересечений и наложений, а любые определённости в них носят частичный и временный характер. Внутренняя структура каждого из двух типов дискурсивных стратегий определяется так называемыми «узловыми точками», которые фиксируют осмысленность всех элементов, входящих в дискурсивное поле. Эти узловые точки носят характер

метафор и базируются на концепте «пустых означающих», за наполнение которых смыслами происходит постоянная борьба между различными политическими агентами.

7. Автор утверждает, что насыщенность «российского дискурса» в США «пустыми означающими» имеет одно важное следствие: суть эволюции этого дискурса в течение 1990-х годов состояла в вытеснении и развенчании тех образов России, которые были порождением самого политико-академического сообщества США. Автор доказывает, что, начиная с середины 1990-х годов, американские эксперты начали деконструировать тот дискурсивный имидж России, который был порождением их предшественников-советологов и имел, вследствие этого, глубоко американские корни. Смену дискурсивной стратегии с либеральной на консервативную автор интерпретирует как результат столкновения «Воображаемого» (то есть виртуального, симулятивного и в силу этого искусственного, адаптированного к американскому мышлению образа России) с «Реальным». Стадия «Воображаемого» образа России могла базироваться только на представлении России в качестве некой «жертвы» (коммунизма и, соответственно, «холодной войны»). Как только Россия перестала позиционировать и воспринимать себя в качестве «жертвы», приступив к самоутверждению и перейдя на более равноправный язык во взаимоотношениях с Вашингтоном, США вынуждены были перейти к смене дискурсивной стратегии.

Научная новизна исследования состоит в первую очередь в методологических новациях, а именно в демонстрации широких исследовательских возможностей, заложенных в использовании категории «дискурса» для понимания и объяснения логики политики США в отношении России. При помощи дискурс-анализа автору удалось классифицировать основные сегменты американского политико-академического комплекса, увидеть взаимосвязь между ними и выявить конфликтные зоны, возникающие при столкновении различных подходов в отношении РФ. Была

установлена связь каждого из этих политических сегментов с определенной парадигмой в теории международных отношений.

Впервые автором была предпринята попытка изучения политики США в отношении России как совокупности дискурсивных практик, определяющих выработку российской политики США как на официальном, так и неофициальном уровнях. Исходя из этого, автор показала перспективы применения в области американистики понятийного ряда, уходящего своими корнями в традиции М.Фуко (включая «дискурсивные конфликты», «точки сцепления», «дискурсивные факты и т.д.).

В диссертации автор впервые соединила в рамках единой логики исследования анализ официального дискурса администрации США и политических оценок, которые существовали в негосударственных «мозговых центрах». В результате были сравнены различные подходы к американо-российским отношениям и интерпретированы аргументы каждой из сторон.

Кроме того, новизна исследования связана с тем, в сферу исследования вошел весь спектр американо-российских дискурсивных отношений, включающий в себя экономические, дипломатические, политические, социальные, военно-технические и иные аспекты.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем содержится объяснение того, как знакомство с механизмами формирования и функционирования американского дискурса в отношении России может быть использовано для поднятия уровня коммуникаций между двумя странами в различных сферах. Поскольку автор продемонстрировала, что различные дискурсивные практики могут существовать только в тесном взаимодействии друг с другом, из этого следует, что существуют различные каналы внешнего влияния на процесс формирования того или иного дискурса. Это обстоятельство было активно использовано в 1990-е годы Соединенными Штатами, которые затратили огромные ресурсы для воздействия на

позитивное восприятие в российском обществе американского понимания демократии, прав человека, плюрализма, рыночной экономики и т.д. Автор утверждает, что Россия может оказать более существенное влияние на переформулирование многих положений американского дискурса в отношении нашего государства.

Значимость диссертации, таким образом, определяется тем, что на ее основе можно разработать стратегию более эффективного использования совместных российско-американских «дискурсивных площадок», которые могут стать важными элементами установления той повестки дня двухсторонних отношений, которая в большей степени соответствует интересам России. Диссертационное исследование, таким образом, обращает внимание на наличие в РФ того ресурса, который бы позволил бы России превратиться из пассивного объекта американского дискурса в со-организатора совместного обсуждения всего комплекса вопросов, представляющих взаимный интерес, включая предварительную экспертизу и консультации в области безопасности, проблем глобального развития и взаимоотношений с третьими странами.

Апробация работы проходила на конференциях в различных городах России и СНГ (Санкт-Петербурге, Москве, Саратове, Набережных Челнах, Одессе) и зарубежных странах. Во время работы над диссертацией автор имела возможность проведения исследовательской работы (включая консультации с международными специалистами и работу в библиотеках) в Центре В.Вильсона (г.Вашингтон, 1999 г.), Центре изучения мира и конфликтов при Цюрихском политехническом университете (2000-2001 г.), Копенгагенском институте исследований мира и университете Роскильде (Дания, 2002 г.), Краковском университете (2003 г.), университетском колледже Сёдертёрнс (Стокгольм, 2003 г.), Датском институте международных отношений (Копенгаген, 2004 г.), Центральноевропейском университете (г.Будапешт, 2005 г.). Эти мероприятия были ценны с точки зрения обмена идеями и литературой с российскими и зарубежными специалистами, а также «обкатки» и уточнения основных положений диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит в себе описание актуальности избранной для исследования темы, ее новизны и теоретической значимости. В нем определены объект, предмет, задачи и цели исследования, его эмпирическая база и методологическая основа, степень изученности проблемы. В этой части работы сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава I. «Российский дискурс» в США: описание концептуального поля.

Под дискурсом в диссертации понимается способ вербальной коммуникации между субъектами социально-политических взаимоотношений (включающий в себя написание текстов, их прочтение и обмен ими), связанный с различными общественно-политическими контекстами. Это «язык в действии» в том смысле, что дискурс есть вид «социального действия», который встраивается в коммуникативные, информационные, культурные, поведенческие и иные рамки отношений между различными субъектами изучаемой системы отношений. Дискурс – это социально воспроизводимые группы идей и способов мышления, которые запечатлеваются в текстах и помещаются в широкие исторические и социальные поля. То есть дискурс – продукт определённого сообщества (например, экспертного или дипломатического). В радикальном варианте пост-структурализма дискурс становится единственной реальностью, подлежащей изучению. Однако в настоящем исследовании мы придерживаемся той точки зрения, что существует несомненное *различие между дискурсивными и недискурсивными практиками*, к числу которых относятся социальные институты и «технологии власти», включая политические решения.

В теоретической литературе термин «дискурс» оказывается встроенным в терминологический ряд, состоящий из ряда приблизительных аналогов фукоианскому понятию. Так, у Жака Деррида синонимом дискурса становится «*письмо*», под которым понимается любой культурно обусловленный текст. Ролан Барт использовал термин

«политическое письмо». У «письма» нет первоначала: любой текст ссылается на предшествующие, и так до бесконечности. Применительно к тематике настоящего исследования следует заметить, что многие американские авторы действительно склонны обосновывать свои суждения скорее сносками на более ранние работы других авторов, принадлежащих тому же направлению политической мысли, чем на новые эмпирические данные, характеризующие состояние дел в России.

Жан-Франсуа Лиотар понятие дискурса предпочитает заменить «нарративом», или «повествованием». Из литературоведения этот термин перешёл во многие социальные науки, включая международные отношения. Идея Ж.Лиотара состоит в том, что мир открывается человеку лишь в виде *историй, рассказов* о нём.

Термин «дискурс» в значительной степени коррелируется с термином «*текст*», который в рамках культурной семиотики понимается как любая система *интерпретации*, что автоматически связывает текст со *смыслом*. Тексты содержат в себе «*сообщения*», то есть определённым образом закодированную информацию.

Дискурс, таким образом, превращается в способ *конструирования субъектов социально-политических отношений*. Субъектность всегда имеет под собой дискурсивную основу. М.Фуко постулирует дискурсивный характер любой власти, что можно интерпретировать как господство дискурсов над сознанием человека в качестве орудий доминирования и подчинения. Именно благодаря дискурсу субъекты социально-политических отношений получают свои имена, названия, характеристики и другие атрибуты, анализируются, воссоздаются, определяются, исчезают.

Сказанное выводит нас на вопрос о соотношении *власти* и *дискурса*. К нему можно подойти, исходя из известного положения о «*знании – власти*», при котором они представляют собой единое поле отношений контроля и подчинения. Можно обратиться к тезису М.Фуко о том, что дискурс – это орудие власти, однако это такой инструмент, который сохраняет возможность самостоятельного влияния на всю

систему властных отношений, которая без дискурса теряет свои функциональные возможности.

В рамках нашего анализа мы сочли корректным говорить о «российском дискурсе» США в единственном числе, исходя из схемы дискурса М.Фуко, включающей в себя специфику перехода элементарных единиц дискурса в дискурсивную формацию. Речь идёт о ситуациях, при которых «дискурсивные факты» («заявления», «речевые акты» - например, отдельные статьи или интервью американских специалистов по России, меморандумы, аналитические справки, экспертные заключения для официальных лиц) связываются друг с другом в единую цепь - *дискурсивную формацию*. Её единство следует понимать следующим образом: дискурсивная формация должна:

а) иметь *единый объект* – в нашем случае это Россия как предмет теоретического изучения и объект практического воздействия;

б) быть выполненной в *единой выразительной модальности*, то есть стиле, способе взгляда на окружающий мир. Это позволяет нам отличать внешнеполитическую экспертизу от массового сознания, журналистики или дипломатического «жаргона»;

в) разделять *общую концептуальную схему* и использовать общие подходы и категории – такие, как «национальные интересы» США, «рациональность», «эффективность» и пр.;

г) соблюдать *тематическое единство* (предполагающее фокус на весьма ограниченном спектре проблем, касающихся сфер непосредственных интересов США, и соответственное «вынесение за скобки» целого ряда других тем, либо «неудобных» для публичного обсуждения, либо нерелевантных).

Единство того или иного дискурса в качестве объекта исследования, заведомо представляющего широчайший спектр социально-политической рефлексии, не означает от отказа от признания в его рамках зон напряжения. Внутренняя структура любого дискурса представляет собой сложную комбинацию различных компонентов. Любой

дискурс представляет собой сферу активизации различных сил («говорящих субъектов») и борьбы между ними (именно для этого аналитику следует задаваться вопросом: «чей дискурс?»).

Применение дискурс-анализа даёт возможность проследить процесс *формирования модальностей высказывания*. Каждый из типов политического дискурса, которые мы будем рассматривать в диссертации, структурно состоит из трёх основных элементов: а) политического; б) экспертного; в) медийного. Наша концепция состоит в том, что эти три компонента одного типа дискурса взаимно дополняют друг друга, поскольку каждый из них ориентирован на свою социальную или профессиональную аудиторию и, соответственно, использует свои языковые приёмы. В силу этого можно говорить о существовании политико-экспертно-медийного комплекса.

Дискурсивная гегемония происходит посредством выделения так называемых «узловых точек» (согласно Э.Лаклау), которые фиксируют осмысленность всех элементов, входящих в дискурсивное поле. «Узловые точки» отличаются от других элементов дискурса по характеру своей знаковости. Примерами, характеризующими либеральный дискурс в США, могут быть «демократический транзит», «права человека», «свободная экономика», «прозрачность», «толерантность», «приватизация», «плюрализм» и пр. «Узловые точки» с практической точки зрения призваны дать происходящим процессам исчерпывающее объяснение, превратить сложную дискурсивную ситуацию в единый нарратив, который объединил бы в себе различные сегменты дискурсивного поля. Другими словами, посредством «узловых точек» мы идентифицируем и конструируем некую систему отношений, благодаря которой за множеством факторов перемен мы видим единый вектор, единое направление.

«Узловые точки» часто носят характер метафор и базируются, согласно Эрнесто Лаклау, на производстве «пустых означающих», за наполнение которых смыслами

происходит постоянная борьба между различными политическими агентами. Говоря на теоретическом языке, «пустой означающий» - это некий всеобщий эквивалент, объединяющий целую цепь, состоящую из различных понятий и стоящих за ними дискурсов. К числу таких «пустых означающих» относятся практически все ключевые термины «российского дискурса» США, имеющие коннотацию с демократией, включая «представительство», «прозрачность», «толерантность», «права человека»: их конкретное насыщение зависит от того содержания, которое становится результатом дискурсивной борьбы между различными «говорящими субъектами».

Глава II. Либеральная стратегия «российского дискурса».

Как было сказано ранее, категория дискурсивной стратегии имеет ключевое значение для настоящего исследования. Определив дискурс как «комплекс полемических и *стратегических* событий», М.Фуко открыл возможность для понимания дискурса «как комплекса *стратегий*, составляющих социальные практики». Нашей задачей, таким образом, стало «прочтение присутствующей в тексте власти», то есть, по сути, определение того, какой политической стратегии соответствует тот или иной тип дискурса.

Рассмотрение политики США в отношении России с точки зрения дискурса дает нам возможность увидеть двойную функцию любой дискурсивной стратегии. Такое понимание, имеющее глубокие корни, уходящие в теорию социального конструктивизма и пост-структуралистскую парадигму, базируется на принципиально важном тезисе о том, что те характеристики, которые субъект А (в данном случае – США) даёт объекту В (в данном случае – России), не только создают объекту В определённую репутацию и закрепляют за ним какой-то образ, но и формируют, конституируют сам субъект А. Другими словами, то, как мы определяем тех, с кем мы поддерживаем отношения, и какими качествами мы их наделяем, составляет основу нашей самоидентификации и нашего собственного позиционирования. При этом

изменение отношения к Другому, выраженное посредством дискурса, неизбежно влечёт за собой переосмысление того, что представляет собой наше «Я» и в какой смысловой контекст мы его помещаем. Соответственно, мы можем постулировать, что любая дискурсивная стратегия США основана на формировании определенного образа России, который носит символический характер, помогающий сформировать представления США о самих себе.

Таким образом, каждая дискурсивная стратегия, разрабатываемая применительно к России, указывает на ключевые характеристики политической идентичности самих Соединенных Штатов, то есть на их роль, миссию, функции в мировом сообществе в целом, и в отношении России в частности. Принципиально важно подчеркнуть, что обе эти функции – наделение смыслом объекта и формирование субъекта - теснейшим образом сплетены друг с другом и представляют собой, по сути, две стороны одного и того же процесса.

Несмотря на дифференциацию взглядов в политико-академическом комплексе США, определяющее воздействие на политику американского правительства в отношении России в первой половине 1990-х годов оказывали советники, представляющие лагерь либерального направления. Преобладающие позиции в администрации Б.Клинтона занимали специалисты, которые не ставили под сомнение необходимость и важность американской помощи в деле построения в России демократического общества, подобного США. В «российском вопросе» четко отразились основные принципы внешнеполитической философии «клинтонизма», выраженные в таких либеральных категориях, как вера в неизбежность глобальной победы демократии, надежда на демократическое перерождение потенциальных и реальных автократов, убежденность в способности США содействовать «демократической революции» повсеместно.

Вплоть до 1995 г. в вашингтонской политической жизни доминировали либералы, которые получали мощную поддержку со стороны администрации Б.Клинтона. Логика их рассуждений сводилась к тому, что в пост-перестроечной России развивались «нормальные» демократические процессы, и их «лучшим гарантом» был президент Б.Ельцин. Россия, благодаря своему размеру и ядерному статусу, по мнению либеральных экспертов, должна была занять более важное место в стратегических планах США.

Официальные лица администрации США предпочитали публично делать акцент на успехах России в продвижении к демократии. Во многих заявлениях американских политиков того времени подчеркивалось, что Россия успешно прошла период декоммунизации, в результате чего возврат к советскому прошлому был уже невозможен.

Многие эксперты-либералы настаивали на том, что внутренние реформы в России, которым в немалой степени содействовали американские программы помощи, серьезно укрепили роль России в качестве важного партнера США в борьбе с транснациональными угрозами, включая отмывание денег, деятельность преступных сообществ, торговлю людьми и пр. Даже выдвигание на передний план проблем терроризма в мировой политике не снизило для экспертов либерального крыла значимости построения правового государства и гражданского общества в России.

Таким образом, голоса тех, кто считал, что США должны стоять на страже основ российской демократии и стимулировать построение гражданского общества и правового государства, на долгое время оставались доминирующим сегментом американского дискурса в отношении России. При этом, правда, многие эксперты в США продемонстрировали слишком инструментальное отношение к демократии, полагая, что она полезна лишь тогда, когда стимулирует такие изменения, которые соответствуют американским интересам.

Только в середине 1990-х гг. в кругу экспертов-либералов начали предприниматься первые попытки критических оценок эффективности программ российско-американского сотрудничества. К сожалению, на протяжении долгого времени проблемы демократического транзита в России представляли для американских экспертов скорее научный, чем практический интерес. Демократический эксперимент в России стал для них широким полем для демонстрации владения модными теориями, введения в оборот новых терминов, возможности использования сложного теоретического аппарата; иными словами, для американских экспертов образовалась та благодатная почва, “возделываемая” которую можно было с успехом закрепить на рынке интеллектуальных услуг под названием “российские исследования”.

Таким образом, либеральная дискурсивная стратегия выстроила образ России как «ученика», более или менее способного к адаптации тех «уроков» и «рецептов», которыми снабжали его США. В этом смысле мы можем увидеть за либеральной стратегией концепт «знания – власти», известный по работам М.Фуко: многие рекомендации и советы, которые предлагались России Соединенными Штатами, преподносились в качестве аксиоматического набора установок, основанных на «здравом смысле» и «рациональном управлении», апробированных временем в условиях американского опыта и поэтому не требующих существенных корректировок. Соответственно процесс реализации этих «рецептов» с точки зрения либерального восприятия носил де-политизированный, технологический характер и требовал не столько политических дискуссий, сколько поэтапного следования определенному набору управленческих стратегий. Именно в этом смысле мы можем сказать, что то знание, в форме которого Россия получала американские советы, были формой и одновременно составной частью властных отношений, поскольку предполагалось, что именно на этом знании Россия будет строить свою систему политических институтов, правовые отношения и экономическую политику.

Но роль России в качестве «ученика» имела своим неизбежным следствием очень важное качество, с помощью которого США характеризовали свою внешнюю политику, а именно роль ресурсного центра, источника знаний и экспертизы о том, как правильно следует совершить постсоветский транзит. Взятие на себя этой роли в течение достаточно короткого времени привело Соединенные Штаты к формированию представлений о самих себе как о некой модели организации власти, что, безусловно, было важнейшим составным элементом концепции однополярности в интерпретациях многих американских мозговых центров, а также политических деятелей.

Глава III. Смена дискурсивной стратегии: от либеральной – к консервативной.

В третьей главе предпринят анализ двух различных моделей сосуществования либерального и консервативного сегментов дискурса. Обе носят динамичный характер, хотя эта динамика выражена по-разному. Первая модель характеризуется как ситуация *смены дискурсивной стратегии*, и представлена на примере смены дискурсивных ориентиров в политико-академическом комплексе США в отношении России. Вторая модель (отнесённая к главе 5) названа *дискурсивным конфликтом*, и рассмотрена и проиллюстрирована на примере двух острых ситуаций, связанных, соответственно, с войной в Косово в 1999 г., поляризовавшей политико-идеологический ландшафт США, и с дебатами вокруг расширения НАТО.

Концептуализация дискурсивного перехода возможна в рамках той части теории М.Фуко, которая исходит из того, что дискурсивная формация – это не идеальный, непрерывный и гладкий текст... Это, скорее, пространство многочисленных разногласий, это совокупность различных оппозиций. Принципиальным при этом является понимание того, что обе дискурсивные стратегии – либеральная и консервативная – являются двумя частями единого «российского дискурса» в США,

выполняющими различные функции, но в то же время взаимно дополняющими друг друга.

Важнейшей особенностью становления консервативной стратегии российского дискурса является *дуализм*, характерный для всей логики этого процесса. Он проявляется в том, что консервативный сегмент структурно распадается на два фрагмента: один связан с *критикой либеральных подходов* в отношении России, а второй содержит в себе собственную *программу внешнеполитического консерватизма*, адаптированную к формату двухсторонних отношений. Именно наличие первого фрагмента и отличает процесс становления консервативного сегмента «российского дискурса» в США от либерального, генезис которого в неизмеримо меньшей степени сопряжён с оппонированием противоположному лагерю. Для консервативной стратегии же ситуация контрастного противопоставления играет конституирующую роль с точки зрения формулировки и корректировки основных постулатов.

Середина - вторая половина 1990-х годов ознаменовалась началом критики той политики в отношении России, которую проводила администрация Б.Клинтона. Эта политика была основана на не оправдавшей себя вере в то, что Россия уверенно движется по пути неизбежного создания «открытого общества» и свободного рынка. Любые отклонения от этого пути воспринимались тогда не как симптомы кризиса, а лишь как незначительные девиации.

Все большее число американских экспертов в конце 1990-х гг. начали гораздо серьезнее критиковать результаты политической и экономической трансформации в России. Американских либералов, в числе прочего, подвела склонность к «картинному», имиджевому восприятию состояния дел в России, которая требовала, помимо образа Б.Ельцина как «выразителя» российской демократии, положительные образы неких «провинциальных кумиров» для иллюстрации верности выбранного Россией при поддержке США курса.

Политические оппоненты Б.Клинтона не только не разделяли его принципиальных позиций в отношении России, но и фактически обвиняли его, а также близких к нему экспертов-либералов в том, что они принимают во внимание и сообщают населению отнюдь не полную информацию о происходящем в России. Представители консервативного направления всегда были сторонниками жесткого курса в американско-российских отношениях и сетовали на то, что политика Б.Клинтона была слишком «пророссийской». Под воздействием этих обстоятельств Вашингтон на неофициальном уровне начал пересматривать свое отношение к России. Об этом свидетельствовали и более настороженные акценты в американской прессе, и ожесточающийся тон вашингтонских политиков, и начавшие реализовываться угрозы урезания экономической помощи.

Таким образом, эра доминирования либеральной стратегии в российско-американских отношениях к середине 1990-х гг. уступила место более рациональным оценкам. Вследствие этого, либерально-оптимистический взгляд на американско-российские отношения, воплощенный в деятельности администрации Б.Клинтона, оказался на грани поражения. Старые ресурсы, на которых базировались двухсторонние отношения в первой половине 1990-х годов, оказались исчерпаны. Финансовый и политический кризис в России 1998 года продемонстрировал очевидные пределы прежней модели американско-российских отношений и ошибочность многих принципиальных подходов в отношении режима Б.Ельцина со стороны администрации Б.Клинтона.

Демократическое общество в России не было построено, рыночные реформы почти полностью провалены, система экономических взаимосвязей Америки и России не обрела стратегических очертаний, экономическая комиссия Гор-Черномырдин показала пределы своих возможностей. Все это свидетельствовало о том, что ресурс американско-российских отношений, заложенный Б.Ельциным и Б.Клинтоном, исчерпал себя, а стратегического партнерства не получилось, поскольку не были найдены

надежные точки соприкосновения интересов двух мировых держав. Тема ядерного разоружения потеряла свою актуальность в свете того, что оружие массового уничтожения появилось в таких государствах, как Пакистан и Индия. Российско-американские саммиты потеряли свою прежнюю значимость, вызывая лишь академический интерес у ученых и политиков.

В 2000 г. к власти в США и России пришли новые лидеры, что естественным образом существенно изменило формат двухсторонних отношений. Президенты Дж.Буш-младший и В.Путин весьма критически отнеслись к наследию своих предшественников в области внешней политики, заметно скорректировав международный курс своих государств. По-новому были концептуально оформлены и двухсторонние российско-американские отношения, параметр которых серьезно изменился еще и в силу трагических обстоятельств 11 сентября 2001 г., когда появился новый контекст, связанный с феноменом безопасности.

Таким образом, в настоящей главе был подтвержден тезис о том, что в структуре дискурса одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить одной системе, а другой – разрушить эту «автоматизацию», раздробить её на сегменты, принимающие формы различных дискурсивных стратегий. Структура текста оказывается пронизанной огромным числом границ, которые сегментируют этот текст на разные «отрезки», в нашем случае называемые дискурсивными стратегиями.

Анализируя дискуссию между представителями либерального и консервативного сегментов «российского дискурса», можно согласиться с М.Фуко, который полагал, что в единой дискурсивной формации могут сосуществовать множество оппозиций и различных точек зрения. Анализ двух различных дискурсивных стратегий даёт возможность говорить о взаимном сосуществовании на первый взгляд непримиримых взглядов на развитие российско-американских

отношений, которые в борьбе друг с другом попеременно теряют, либо упрочивают свои позиции, не исчезая и не растворяясь при этом в доминирующей дискурсивной стратегии, а, наоборот, последовательно оттачивая свои аргументы. Смена дискурсивной стратегии в отношении России с либеральной на консервативную дала нам возможность проследить этапы анализируемого перехода. Первый был связан с усилением критики либеральных подходов, а второй - с выработкой собственной программы внешнеполитического консерватизма, адаптированной к формату двухсторонних отношений. В этой ситуации контрастного противопоставления и происходило оформление консервативного сегмента российского дискурса, который впоследствии стал играть доминирующую роль в определении формата российско-американских взаимодействий.

Глава IV. Консервативная дискурсивная стратегия США на российском направлении

В четвёртой главе анализируется консервативная дискурсивная стратегия, которая в теоретическом ключе опирается на концепцию внешнеполитического *реализма*. Её можно разложить на несколько составляющих:

- Реальность *материальна* (объективна) вне зависимости от того, что думают или планируют политики, или каковы их идеологические взгляды или мотивы. Основной фактор, определяющий эффективность государств на международной арене, носит материальный характер. Инструментами государств может быть не только военная сила, но и экономические санкции, бойкоты и пр.
- Государства являются *рациональными* и *унитарными* акторами, действующими в состоянии анархии. Дело не во внутреннем устройстве государств, а в том, какие существуют международные условия для предотвращения войн (например, к сотрудничеству могут толкать не общие принципы политического устройства, а

боязнь третьего государства). Демократия не меняет структуру международных отношений, так как мир зависит от сдерживающих факторов и баланса сил.

- Предпочтения государств могут быть зафиксированы и носят *конфликтный* характер. Предметом конфликта может быть выживание («защитный реализм»), экспансия («нападающий реализм»), просто влияние и пр.
- *Роль международных организаций* ограничена стратегиями тех государств, которые их создают и поддерживают (в частности, это касается взаимоотношений США и НАТО). Организации не определяют поведение государств, а только создают для этого рамки.
- *Взаимозависимость* не является универсальной и доминирующей тенденцией в международных отношениях. Поскольку самодостаточные страны более самостоятельны, многие государства сознательно избегают излишней зависимости от других. Взаимозависимость может стимулировать как мир, так и конфликты. Кроме того, опыт США демонстрирует, что взаимозависимость может быть лозунгом для достижения эгоистических целей.

Реализм, будучи одной из старейших школ внешнеполитического анализа, рассматривает международную систему как изначально “анархичную”, в которой определяющее значение имеют эгоистические интересы государств. Реализм исходит из плюрализма автономных центров принятия решений. Эта школа, равно как и более поздний неореализм, отталкивается от тезиса о том, что мир пребывает в состоянии вечной борьбы за глобальную гегемонию. К примеру, европейская интеграция с этой точки зрения может рассматриваться как реакция на послевоенные американские и советские амбиции. Новые формы территориальной общности, другими словами, представляют собой способ сбалансировать чей-то гегемонизм. Логика реализма такова, что слабые государства обречены либо группироваться против своих потенциальных конкурентов, либо играть подчинённую роль в международных отношениях.

Рамки политического реализма оставляют немного места для анализа содержательных проблем сотрудничества между государствами. Реалисты воспринимают мир с точки зрения столкновения интересов государств (по принципу “бильярдных шаров”), фактически игнорируя негосударственных и субнациональных акторов. Ограниченные формы сотрудничества между государствами, согласно реалистам, могут быть следствием: а) необходимости укрепления чьих-то геополитических позиций (“имперская версия”); б) попыток сбалансировать влияние конкурирующей державы (“версия баланса сил”); в) создания системы коллективных отношений для защиты общих экономических интересов (“версия гегемонистской стабильности”).

С точки зрения классических реалистов, государства – это рациональные акторы, которые нацелены на экспансию (“проекцию” своей мощи) в условиях “игры с нулевой суммой”. Критерием величия державы является её самодостаточность на основе аккумуляции в пределах своей территории максимальных ресурсов. Соответственно, малые государства, согласно этой логике, не способны к самостоятельным политическим инициативам и обречены играть роль зависимых объектов на международной арене.

Неся на себе глубокий отпечаток геополитики, политический реализм отталкивается в своём анализе от таких категорий, как: баланс сил; гегемония и субгегемония; национальная безопасность (Пол Кеннеди, Ханс Моргентау и др.). Вторичными интересами могут быть достижение мира, защита демократии и пр.

Консервативная модель политики США базируется на нескольких концептуальных основах, вытекающих из «реалистического» понимания международных отношений:

а) отношения США и России должны строиться как отношения «ключевого государства» с «государством переходного типа»;

б) интересы США в России в начале 21 века должны стать менее существенными, чем в 1990-е гг.;

в) оптимальной стратегией США в отношении России может считаться «вовлечение через сотрудничество» в конкретных сферах;

г) США не расценивают превращение России в ближайшее десятилетие в реального конкурента Америке;

д) между Западом и Россией в течение достаточно долгого времени будет существовать группа стран, выполняющая роль «геополитической линии раздела», или «серой зоны»;

е) международные организации (включая МВФ) не являются ключевыми инструментами для реформирования российской экономики. Предоставление любых форм помощи должно быть более жёстко увязано с выполнением Россией ряда условий: гарантирование возврата займов золотым запасом, более масштабное применение процедур банкротства несостоятельных предприятий, реструктуризация естественных монополий, сокращение военных расходов (особенно на ядерное перевооружение), прекращение военных контактов с Ираном;

ж) основные программы обмена и технического содействия России должны иметь ограниченный характер и быть направлены на поддержку независимых СМИ, судебных органов, научных исследований в области гуманитарных дисциплин;

з) США должны признать, что Россия отошла от политики стратегического сотрудничества с Америкой, однако им следует искать пути для преодоления кризиса во взаимоотношениях между РФ и НАТО, но не за счёт отказа от дальнейшего расширения Североатлантического блока. При этом США будут стараться не устанавливать более чётких, чем в настоящее время, критериев членства в этом альянсе с тем, чтобы сохранить свободу манёвра при любых обстоятельствах.

Если «команда Б.Клинтона» сосредоточила основное внимание на процессах перехода России к демократии, профинансировав множество проектов в этом направлении, то администрация Дж.Буша-мл. поменяла приоритеты. Ее больше

интересовала практическая составляющая российской внешней политики по отношению к конкретным странам (Ирак, Северная Корея, Иран, Афганистан и т.д.), и только потом - особенности внутренней ситуации в России.

Близкие к позиции реализма специалисты неоднократно заверяли, что Россия - не сверхдержава, а страна третьего мира, но с ядерным арсеналом. Их беспокоила не столько российская военная мощь, сколько возможность попадания ядерного оружия в руки американских врагов или террористов. Кризис транзита для сторонников доктрины реализма никогда не был «временным явлением», а, напротив, оценивался как очень длительный процесс. Именно здесь и следует искать точки пересечения *реалистического* дискурса с *консервативным*.

Многие эксперты консервативных «мозговых центров» утверждали, что Россия лишь имитирует демократию. Легитимность правительство черпает не в народной поддержке, а в факте контроля над государственными институтами и собственностью. Заимствованные с Запада механизмы демократии представляют собой лишь формальный каркас, под которым прячется олигархический режим, во многом связанный с криминальным миром. Демократические процедуры в России (в частности, выборы) стали лишь средством борьбы за власть между различными элитами, и может пройти несколько десятилетий, прежде чем они наполнятся реальным демократическим содержанием. Подавляющее большинство экспертов консервативного крыла было уверено в том, что в среднесрочной перспективе Россия не сумеет преодолеть кризис и поэтому будет оставаться слабым, нестабильным государством и ненадёжным партнёром.

Характерной особенностью консервативного дискурса является склонность его «производителей» к работе в жанре альтернативных стратегических оценок. Данное качество консервативной дискурсивной стратегии объясняется его большей – по сравнению с либеральной стратегией – «свободой рук», базирующейся на отрицании

универсальной схемы объяснения российского транзита, базирующейся на ценностных, идеологических и нормативных принципах. Для консерваторов политическая реальность более многовариантна, она не подчиняется какой-то единой логике и поэтому содержит более разнообразный спектр дискурсивных диспозиций.

Логическую связь между двумя функциями дискурса «российских исследований» мы видим и применительно к консервативной стратегии. В ее рамках образ России носит принципиально иной характер и отождествляется не просто с неспособностью, но и нежеланием усвоить и адаптировать американский опыт. В более радикальном варианте Россия ассоциируется с источником неопределенности и угроз разного характера. Исходя из этого, по иному определяется и миссия Соединенных Штатов. Она состоит не столько в обучении России основам демократии и рыночной экономики, сколько в предотвращении и профилактике таких форм внешнеполитического поведения России, которые затрагивают американские интересы.

Глава V. Дискурсивные конфликты: косовская проблема и расширение НАТО.

В пятой главе рассматриваются ситуации дискурсивных конфликтов, которые интересны с точки зрения исследовательской задачи всей диссертации, поскольку через них можно увидеть возможности использования методологически важного положения, уходящего своими корнями в категориальный ряд М.Фуко, состоящий из точек несовместимости, эквивалентности и сцепления. Все три выше названные категории дискурс-анализа применимы к предмету данного исследования. Либеральная и консервативная дискурсивные стратегии порождают как «точки несовместимости» (то есть конфликтующие друг с другом аргументы), так и «точки эквивалентности» в том смысле, что либеральный и консервативный подходы к России являются двумя сторонами одного и того же дискурсивного процесса. Эта сопряжённость двух различных, но принадлежащих одному дискурсу, стратегий и порождает феномен

«точек сцепления», являющих собой диалектическое «единство в противоположности». Другими словами, оппонирующие друг другу дискурсивные стратегии предполагают друг друга и развиваются только в дискуссии. Иначе говоря, не существует высказывания, которое так или иначе не актуализировало бы другие высказывания, в том числе и прямо противоположного свойства.

В данной главе внимание автора сосредоточено на описании модели конфликтного сосуществования либерального и консервативного дискурсов в той части, которая касается отражения ими различных политических предпочтений в связи с войной в Косово в 1999 г. и расширением НАТО. Интерес к этим ситуациям был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, речь идёт о дискурсивных ситуациях, разворачивавшихся в достаточно ограниченных по времени рамках и насыщенных полярно противоположными положениями. Во-вторых, Косовский конфликт и расширение НАТО – это примеры того, как либерально-консервативная дилемма трансформируется в оппозицию между интернационализмом и изоляционизмом.

На основании предпринятого анализа было сделано несколько выводов. *Во-первых*, дискуссии по Косовской проблеме и расширению НАТО не только развели по разные стороны США и Россию, но и способствовали образованию новой разделительной линии внутри самого американского общества. По аналогии с Вьетнамской войной можно утверждать, что вмешательство США в Косово привело к большей поляризации взглядов как среди общественности, так и среди элитных групп Соединённых Штатов.

Во-вторых, публичность обсуждения этих проблем среди экспертов США подтвердило традиции гласного дискутирования проблем национальной стратегии. Однако едва ли можно сказать, что эти дебаты оказали существенное корректирующее влияние на образ действия и поведение американских военных. Они сыграли роль “интеллектуальной отдушины”, необходимой экспертно-аналитическим структурам для

подтверждения своего статуса и обоснования своей социальной роли. Совокупного потенциала влияния противников военной операции в Косово и расширения НАТО не хватило для того, чтобы оказать практическое воздействие на образ и манеру поведения администрации США в рассматриваемом вопросе. Влияние этих лиц сказалось, прежде всего, в инициировании и стимулировании серьезных дебатов по поводу о пределах способности США влиять военным образом на другие страны, результаты чего могут сказаться в долгосрочной перспективе.

В главе были рассмотрены два примера дискурсивных конфликтов, имевших общую логику: оба содержали в себе критическую рефлексию в отношении доминирующей дискурсивной стратегии со стороны носителей альтернативных дискурсивных позиций, предлагавших собственное видение перспектив взаимоотношений с Россией, которое отличалось от официальных взглядов. В обоих случаях дискурсивная стратегия, сопротивлявшаяся доминирующей, не смогла спровоцировать осязаемые политические последствия. Однако интересен сам факт широких дебатов в политико-академическом комплексе США, который иллюстрирует серьезную борьбу двух дискурсивных стратегий и выявляет большое количество «точек эквивалентности» и «точек несовместимости» между либеральным и консервативным сегментами дискурса по узловым проблемам российско-американских отношений.

Дебаты в политико-академическом комплексе США обозначили не только сторонников и противников расширения (по принципу «закрытой» бинарной оппозиции), но и выявили ряд общих для обеих групп «точек сцепления», которые позволяют говорить о едином дискурсе, сложившемся из оппонирующих друг другу дискурсивных стратегий. Эта сопряженность двух различных, но принадлежащих одному дискурсу стратегий и являет собой диалектическое «единство в противоположности». Оппонирующие друг другу дискурсивные стратегии

предполагают наличие друг друга и развиваются только в дискуссии, сколь бы жёсткой она ни была.

Глава 6. Расширение границ эпистемологического сообщества: внешние функции «российского дискурса».

В начале нашего диссертационного исследования мы определили дискурс как вид словесной (вербальной) коммуникации между его «производителями» и «потребителями», или адресатами. Вне социальной аудитории, на восприятие которой рассчитаны те или иные артикуляции, дискурса просто не существует.

Ситуация, рассмотренная в предыдущих главах, показывает, что в инструментальном смысле есть *два типа социальной аудитории*, на восприятие которых ориентирован «российский дискурс». Эти две группы условно могут быть названы «адресатами», поскольку они входят в качестве составной части в т.н. «эпистемологическое» сообщество и играют несколько ролей одновременно: и реципиентов чьего-то дискурса, и со-организаторов дискурсивного пространства.

Во-первых, это политические круги в самих США, определяющие формат и содержание решений, принимаемых в отношении России. Американский дискурс в отношении России в значительной мере был нацелен на те сегменты внутри внешнеполитической элиты США, чья позиция имела ключевое значение при принятии решений, касающихся всего спектра американо-российского взаимодействия. Как правило, внутренний «вектор» американского дискурса был направлен на переубеждение тех лиц, принимающих решения, которые придерживались иных взглядов на российско-американские отношения. В главе показано, как дискурсивная практика *меняет образ поведения субъектов дискурса*.

Во-вторых, это сегменты внутри российского общества, открытые к восприятию внешних аргументов и готовые к их операционализации. Следовательно, можно

говорить об использовании дискурса в качестве инструмента влияния на определённые сегменты внутри российского общества и коммуникации с ними.

В работах американских экспертов можно найти много примеров использования дискурса для обозначения определённой политической позиции, которая прямо или косвенно доводится до сведения лиц, принимающих решения в Москве. Такая артикуляция американских оценок призвана донести до политической аудитории реакцию политико-академического сообщества США на те или иные процессы внутри политической элиты РФ.

Говоря в первой главе о нескольких дискурсивных «волнах» внутри политико-академического комплекса США, мы отметили возникновение сетевых форм профессиональной коммуникации. Это явление привело к появлению дискурсивных зон, ставших следствием совместного анализа и понимания ряда проблем двухсторонних отношений. Эти «зоны» имели различное организационное выражение: общие конференции и научные проекты, публикация регулярных изданий (например, «Вестник Института Кеннана в России»), долгосрочные программы (PONARS), и т.д.

В этой части нашего исследования мы снова опираемся в методологическом смысле на работы М.Фуко, а именно – на его положение о том, что любое высказывание включает в себя поле предшествующих элементов, относительно которых оно располагается, но которое оно способно реорганизовать и перераспределить в соответствии с новыми отношениями. Иначе говоря, любой дискурс открывает «пространство коммуникации», которое соединяет высказывания в «конstellляции» в соответствии с множественными связями, их «сшивающими».

Одним из наиболее интересных примеров «миграции» дискурсивной конструкции из США в Россию является, пожалуй, политическая траектория концептов «Новой» и «Старой» Европы. Несмотря на то, что в качестве семантических единиц они существовали давно, новый этап их «сигнификации» был связан с нашумевшим

заявлением Доналда Рамсфелда, сделанным в связи с началом военной операции США и их союзников против Ирака. Как известно, «Старая» Европа, представленная в интерпретации Д.Рамсфелда Францией и Германией, приравнивалась к инертной, консервативной части континента, скептически настроенной по отношению к самой идее «гуманитарных интервенций» и отдающей приоритет традиционным представлениям о суверенитете. «Новая Европа», напротив, по этой версии характеризовалась как группа политически динамичных стран, готовых к солидарности с американским пониманием «глобальной войны с терроризмом» и разделяющих американские принципы формирования основ глобального миропорядка. Парадокс ситуации состоит в том, что, несмотря на огромные различия между Москвой и Вашингтоном в отношении основ международной политики, именно Россия (в отличие от большинства стран ЕС) восприняла само разграничение между «Новой» и «Старой» Европой, предложенное от имени администрации США одним из её ключевых фигур, хотя и наполнила его новым смыслом, фактически адаптировав эту контрастную формулу к своему пониманию устройства политического пространства Европы. Переняв саму американскую формулировку, Россия, тем не менее, самостоятельно расставила акценты в смысловых рамках, открывавшихся благодаря ей: Москва сделала приоритетные отношения с Францией и Германией, то есть со «Старой» Европой, одной из важнейших составляющих своей политики в отношении стран Запада.

Если случай с «Новой» и «Старой» Европой показывает способность дискурсивных конструкций, перенесённых в иную политическую среду, к мутации, то есть радикальному изменению своего политического смысла, то другой пример – а именно, с термином «Балтийско-Черноморский регион» - демонстрирует, как некий географический «означающий» может быть заимствован некритически. На рубеже 20 и 21 веков с подачи США он был реанимирован в качестве условного понятия, обозначающего окраинную часть Европы, сделавшую политический выбор в пользу цивилизационного и социо-культурного движения в сторону евро-атлантического сообщества. Пока так называемый «Балтийско-Черноморский регион» существует

лишь в качестве «вымышленного» (если пользоваться терминологией Б.Андерсона), «воображаемого» проекта, суть которого сводится к переструктурированию политического пространства в непосредственной близости от границ России. Однако парадокс состоит в том, что Россия, политически оппонировав самой идее, заложенной в этом проекте, спонсируемом Соединёнными Штатами, оперирует самим этим термином, признавая, хоть и косвенным образом, реальность существования такого «региона».

Оба эти примера показывают, что «островки» совместного дискурса формируются противоречиво и с огромным трудом. С семантической точки зрения, за, казалось бы, общими формулировками может скрываться абсолютно разное понимание той или иной дискурсивной ситуации. С организационно-институциональной же точки зрения, серьёзным препятствием для появления общих «островков дискурса» является игнорирование интеллектуальных и информационных возможностей международного сотрудничества между научными центрами России и американскими «мозговыми центрами». Российская дипломатия весьма пассивна и в отношении идентификации и поиска форм взаимодействия с теми профессиональными, общественными и политическими организациями в США, чьи позиции совместимы с принципиальными установками внешней политики РФ.

В шестой главе, таким образом, были рассмотрены два варианта «выхода» «российского дискурса США» за пределы сугубо внутриамериканской аудитории. В обоих из них анализировались ситуации расширения дискурсивного поля и включения в него новых участников с новыми функциями, ролями и возможностями. Более конкретно, речь идёт, *во-первых*, об использовании дискурсивных возможностей для оказания определённого воздействия на те или иные сегменты внутри российского общества, и *во-вторых*, о попытках создания общих «дискурсивных площадок», предполагающих выработку совместного понимания природы вопросов двухстороннего интереса.

Заключение содержит основные выводы проведенного исследования.

Автором было дано определение «русского дискурса» в США как дискурса, развивающегося в рамках той части американского политико-академического сообщества, который ориентирован на анализ процессов, происходящих в РФ. Этот тип дискурса представляет собой попытку США экстраполировать англо-саксонские концепты общественного развития на иную социо-культурную среду и понять пределы их применения.

Каждая из проанализированных дискурсивных стратегий по-своему конструирует образ России и даёт свой ответ на вопрос о том, в каком качестве Россия может рассматриваться Америкой в качестве субъекта мировой политики. В рамках либеральной стратегии субъектность РФ (и, соответственно, признание Соединёнными Штатами России как потенциального партнёра) выводилась из способности нашей страны моделировать (в мягком варианте) и имитировать (в более жёстком) основные принципы политического, экономического и правового устройства США. Другими словами, американская внешнеполитическая элита либерального толка готова была признать некую роль России в мире только и при условии её добровольного *включения* в тот мировой порядок, который патронируется Вашингтоном.

Акценты в консервативной стратегии были расставлены иначе. В её дискурсивных рамках Россия признавалась в качестве относительно автономного участника международных отношений, причём такого участника, субъектность которого выводилась в значительной степени из его возможного или предполагаемого *сопротивления* американоцентричному глобальному порядку. Для консервативного сегмента американского «рынка идей» важность России объяснялась не её способностью стать «зеркальным подобием» Соединённых Штатов, а тем вызовом, которая Россия прямо (то есть в виде неподчинения «правилам игры», предлагаемым Вашингтоном) или косвенно (т.е. неспособностью воплотить в жизнь проекты по её

внутреннему переустройству, разработанные американскими экспертами) может бросить США.

Либеральная дискурсивная стратегия базируется на «двойном» либеральном фундаменте, который определяет собой как рамки внешней политики США, так и основные принципы политического переустройства российского общества. Другими словами, либеральная стратегия американского дискурса признаёт как возможность воплощения либеральных идей в международном курсе своей страны, так и их работоспособность в качестве программы реформ в России. Консервативная же стратегия, не отбрасывая полностью либеральные принципы ведения внешней политики, настаивает на ограниченном масштабе их распространения. Иначе говоря, вести дело с Россией на основе либеральных принципов, согласно консервативной части внешнеполитической элиты США, нельзя именно по той причине, что Россия сама скептически относится к возможностям либерализма в качестве идеологической основы реформ. Коммуникация с Россией должна, соответственно, строиться на базе поиска общих интересов при признании несовместимости тех ценностей, которые определяют идентичности каждой из этих стран.

Что касается перспектив взаимоотношений между США и Россией, то для их понимания нам опять-таки не обойтись без внимательного изучения тех процессов, которые происходят на дискурсивном уровне. В этой связи нам представляется, что в современной литературе наиболее ярко представлены две точки зрения на будущее евро-атлантического политического сообщества в целом и внешней политики США в частности.

Первая позиция выражена в работах американского автора Роберта Кейгана; её суть состоит в признании неизбежности раскола так называемого Запада на два конкурирующих друг с другом блока – американского и европейского. Согласно этой логике, этот разлом объясняется концептуальными различиями между ними. По

мнению Р.Кейгана, Европа выказывает неприятие силы или, иначе говоря, она преодолевает силу в самодостаточном мире законов и правил, международных переговоров и сотрудничества... Между тем Соединённые Штаты погрязли в трясине истории, используя силу в анархичном гоббсовском мире, где международные права и нормы непрочны, а подлинная безопасность ... по-прежнему зависит от наличия и применения военной силы.

Вторая перспектива обрисована в известной работе Антонио Негри и Майкла Хардта «Империя»: согласно их логике, мы живём в условиях перехода от национальных государств к принципиально новой форме организации политической власти, которая носит «сетевой» характер. В этих новых, «пост-модернистских» условиях, ни Соединённые Штаты, ни одного другое государство не может играть роль центра глобального миропорядка. Переход к империи, по мнению А.Негри и М.Хардта, возникает в сумерках суверенитета эпохи модерна. По контрасту с империализмом, Империя не устанавливает территориального центра власти и не опирается на фиксированные границы. Это децентрализованный и детерриториализованный аппарат правления, который постепенно инкорпорирует в себя всю планету... Империя управляет гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и многочисленными обменами посредством модульных сетей контроля.

Предпринятый нами анализ позволяет, таким образом, выделить, по крайней мере, два варианта развития американо-российских отношений. *В первом* случае Россия будет вынуждена определять своё позиционирование в ситуации усугубляющегося дистанцирования друг от друга США и Евросоюза, каждый из которых будет бороться за свою субъектность в масштабах глобальной политики. Россия едва ли сможет существенным образом вмешаться в это противоборство двух доминирующих субъектов международных отношений, однако её симпатии, выраженные как на символическом языке, так и в практических делах, скорее всего, будут на стороне стран, имеющих наиболее сложные и неоднозначные отношения с США. И наоборот:

те государства, которые Россия будет воспринимать в качестве «агентов» американской внешней политики, будут испытывать наиболее сложные проблемы при взаимоотношениях с РФ. При втором же сценарии дилемма, встающая перед Россией, будет несколько более фундаментальной: либо она согласится (вне зависимости от того, будет ли это согласие как-то артикулировано публично) войти в качестве составного компонента в «сетевую империю», либо будет своими действиями способствовать её подрыву. На наш взгляд, вариант постепенной интеграции кажется более реалистичным, тем более что Россия не является системообразующим фактором антиглобализационного движения.

Основные публикации по теме исследования

Монографии

1. Макарычева, М.Г. «Российский дискурс» в США: формирование, структура, политические трансформации / М.Г.Макарычева – Изд-во НГЛУ, Нижний Новгород, 2006. – 242 С. (12 п.л.)
2. Макарычева, М.Г. Россия, НАТО и новые структуры безопасности в Европе / О.А.Колобов, А.А.Сергунин, М.И.Рыхтик и др. - Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997 – 240 С. (авторский вклад 1 п.л.)
3. Макарычева, М.Г. Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия / О.А.Колобов, А.А.Сергунин, М.И.Рыхтик, О.О.Хохлышева и др. - Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000 – 280 С. (авторский вклад 1 п.л.)
4. Макарычева, М.Г. Международная деятельность российских регионов: причины, возможности, препятствия / О.А.Колобов, А.Моммен, А.Дахин и др. // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Нижний Новгород: ННГУ, 1997. -340 С. (авторский вклад 0,7 п.л.).

Статьи

5. Макарычева, М.Г. Страны Ближнего и Среднего Востока в контексте российско-американских отношений / М.Г.Макарычева // Ислам на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. - Нижний Новгород: ННГУ, 1997. – С. 29-35.
6. Макарычева, М.Г. Российско-американские отношения накануне выборов: оценки экспертов США / М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики. — Нижний Новгород: ННГУ, 1997. - (0,8 п.л.)
7. Макарычева, М.Г. Косовская проблема во внешнеполитическом дискурсе США в середине 1999 г. / М.Г.Макарычева // Россия и НАТО после балканского кризиса. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ , 2000. – (0,4 п.л.).
8. Макарычева, М.Г. США и Россия после кризиса в Косово: преодоление разногласий?/ М.Г.Макарычева // Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы. - Нижний Новгород: ННГУ, 2000. - (0,3 п.л.).
9. Макарычева, М.Г. Демократический транзит в России глазами американских политологов / М.Г.Макарычева // Власть и общество: история и современность. Материалы научно-практической конференции. – Нижний Новгород: ВВАГС, 2000. - (0,6 п.л.).
10. Макарычева, М.Г. Военно-стратегические аспекты присутствия России в ближнем зарубежье и логика американской геополитики/ М.Г.Макарычева // «Homo belli – Человек войны в микроистории и истории повседневности».– Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. - (0,5 п.л.).
11. Макарычева, М.Г. Проблемы российского регионализма глазами американских экспертов / М.Г.Макарычева // Международные отношения в XXI веке: региональное в глобальном, глобальное в региональном. – Нижний Новгород: ННГУ, 2000. - (0,6 п.л.)
12. Макарычева, М.Г. «Неолиберальная стратегия перехода» в России и американская внешняя политика / М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики. — Нижний Новгород: ННГУ, 2001. – (0,4 п.л.).

13. Макарычева, М.Г. Состояние и перспективы политических процессов в России: экспертные оценки США / М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики. — Нижний Новгород: ННГУ, 2001. — (0,6 п.л.).
14. Макарычева, М.Г. Американские программы академических обменов в России: организации и институты / М.Г.Макарычева // Building International Strategy and Management Skills. Материалы международной конференции участников проекта ТЕМПУС JEP-21099-2000. — (0,4 п.л.).
15. Макарычева, М.Г. Управление федеративными отношениями в контексте проблем российского транзита: американские подходы / М.Г.Макарычева // Российские регионы в мировом пространстве: между глобализмом и протекционизмом. Материалы международного круглого стола. — Нижний Новгород: НГЛУ, 2002. - (0,4 п.л.).
16. Макарычева, М.Г. От глобализма к антиглобализму: пределы де-суверенизации во внешней политике США/ М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики: материалы VII Международного научного семинара «Российско-американские отношения: исторический ракурс и перспективы». - Нижний Новгород: ННГУ, 2002. - (0,7 п.л.).
17. Макарычева, М.Г. Дискурсные «волны» российских исследований в США / М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики. Материалы IX международного научного семинара «Меняющаяся роль государства и международных организаций в современном мире». — Н.Новгород, 2003. — (0,4 п.л.).
18. Макарычева, М.Г. США и Россия на постсоветском пространстве: конкуренция внешнеполитических инициатив / М.Г.Макарычева // Актуальные проблемы американистики. Материалы X международного научного семинара «Россия, НАТО и США в антитеррористической коалиции». Нижний Новгород: ННГУ, 2003 — (0,4 п.л.).
19. Макарычева, М.Г. Культурно-пространственные образы Америки и России: формирование типологических представлений / М.Г.Макарычева // Сборник

материалов международной научной конференции. Н.Новгород: Нижегородский коммерческий институт, 2004. – (0,2 п.л.).

20. Макарычева, М.Г. Контуры будущего взаимодействия России и США: прогнозы и реальность / М.Г.Макарычева // Профетическая сущность искусства и культуры. Сборник материалов научной конференции. Нижний Новгород: НГЛУ, 2005. - (0,4 п.л.).

Статьи в периодических изданиях, включенных в «Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание докторских диссертаций» ВАК РФ:

21. Макарычева, М.Г. Российско-американские проектные исследования: нижегородская хроника/ М.Г.Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. - Серия: Международные отношения, Политология. Регионоведение. – 1(4), 2005. (0,1 п.л.)
22. Макарычева, М.Г. Российский дискурс в США: описание концептуального поля / М.Г.Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. — Серия: Международные отношения, Политология. Регионоведение. – 1(5), 2006. (0,7 п.л.)
23. Макарычева, М.Г. Региональные проблемы экономической безопасности как предмет российско-американских проектных исследований / М.Г.Макарычева // Вестник Нижегородской Юридической Академии МВД. Нижний Новгород. - 2006. №6. (0,6 п.л.)
24. Макарычева, М.Г. Дискурс как предмет изучения в сфере международной политики (пример американо-российских отношений) / М.Г.Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. — Серия: Социальные науки. Выпуск 1 (5) — 2006. (0,5 п.л.)

